

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 5 (41)
сентябрь
октябрь
2016

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абламович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЬ,
ответственный редактор, кандидат
психологических наук;
С. Ф. БЕДРИНА, кандидат
социологических наук, доцент;
С. В. ВАШИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
М. Е. МИНОВА;
С. И. НЕВДАХ, кандидат
педагогических наук, доцент;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских
наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

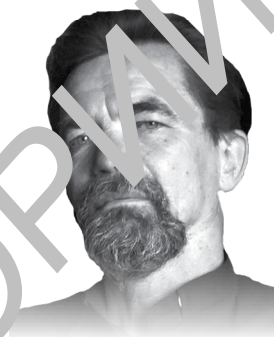
ОТ ЖЕСТЯНЩИКА ДО ПЕРГАМЕНЩИКА: профильная шкала одного юбилея

«Движение к душевному здоровью — непрерывность становления, саморазвертывания, самореализации».

Л. А. Пергаменщик

Э то потом уже возникла ассоциация «пергаменщик». Вначале было вполне себе «моторное» — зональное слово «жестящик». От жестящика до литейщика, как говорится, один шаг, а вот от литейщика до пергаменщика, то есть книжника, — «страшное, — по части Льва Николаевича, — расстояние». Жестяной сталепрокатчик и после Сталина «жесть». В реальной хрущевской оттепели стальная лавина рабочей доблести уверенно пронзает структуру классово непротиворечивых отношений с колхозным крестьянством при наличии интеллигенции как «прослойки», причем без формального вытеснения. «Уж кем кем, но психологом я точно не буду...» — эта фраза будущего профессора психологии могла бы стать для его студентов примером первичного защитного механизма диссоциации, если бы на поверку, не означала личную свободу от резонерства как «словесной опухоли» (И. П. Павлов). Оставаться собой, не подвергаясь идейным интроспекциям, и превозносить достояние выше знаний — вот, пожалуй, главная заповедь автора первого в мире учебника по кризисной психологии.

Иной специалист остается на плаву mainstream (основного потока) науки, пока не грянет «отбойное течение», или rip current, поток сознания, уносящий душу куда-то назад и вниз, а уж как гря-

**Евгений
Леонтьевич
МАЛИНОВСКИЙ,**
доцент кафедры
психологии
образования БГПУ
имени Максима Танка

нет R.I.P. (requiescat in pace — «покойся с миром»), так психолог и перекрестится, если, конечно, он не скептик. Ведь для скептика, равно как и для мистика, состояние *gipping* (англ. «потрясающий, отторгающий, *отрывающий*») входит в когнитивный диссонанс с последующей психологической информацией как угрозой для собственной непоколебимости. Так, в одном интервью непобедимый шахматист Бобби Фишер, скептик и мистик в одном лице, так объяснил свое избегание предмета: «Я не верю психологии, я верю хорошему кино».

Отдавая предпочтение концертному залу филармонии, чета Пергаменщиков доверяет, тем не менее, свое настроение и интеллектуальной кинокомедии Вуди Аллена, и «нелинейной жести» Квентина Тарантино. Примечательно, что того и другого режиссера объеди-

няет эсхатология Марселя Пруста. Имя Marcel, созвучное городу в Провансе и гимну крови Марсельезе, означает «прославление Бога войны», отца Ромула и Рема, вскормленных Капитолийской волчицей в *изоляция* homo homini lupus est. Кризисные ситуации, при которых возникают скрытые ранее конфликты и диспропорции, переданы писателем знаменитой метафорой «оторванности» (фр. *isolement*). Ярким примером массовой «оторванности» служит феномен иррационального поведения русских фанатов футбола на Euro 2016, причем именно в Марселе. В череде жестоких изоляций судьба 36-летнего беженца из Нигерии Эммануэля Намди также обозначена футбольным роком. Он был смертельно избит фанатом футбольной команды, когда вступился за свою жену. Убийца подошел к мирно гулявшей паре и стал оскорблять женщину, называя ее «африканской обезьяной». Супруги бежали из Нигерии, где радикальные исламисты убили более 8000 христиан. Приблизительно столько же мусульман-мужчин Боснийской Серебряницы было убито сербскими сепаратистами в 1995 году. Цифры заставляют обратить внимание исследователей на провоцирующие факторы этнического экстремизма при условии превращения религии в племенной культ, а спортивного состязания в магию происхождения.

Вместе с тем для кризисной психологии очевидно, что динамика эксцессов, кроме логики субъекта познания, включает индивидуальные диспозиции homo sacra per seipsum, или «Человек человеку бог». Кризис ориентирует религиозный контекст бытия на встречу и узнавание незавешенных сакральных объектов. Такие объекты постоянно штурмуются мотивами и ассоциациями, чаще всего не интегрированными личностью в выбор любви. В «Божественной комедии» Данте Алигьери изображает огненный смерч незавершенной любви Паоло и Франчески, «которых вместе вьет и так легко уносит буря эта». Так, в бездум-

но *оторванных* страницах житейского, идейного или футбольного сценария людям хватает времени, «чтобы в толпе стихий мятежной сердечный ропот заглушить» («Демон» М. Ю. Лермонтова), но совсем не остается *мест* для узнавания и утверждения в Другом образа своего рода. В произведении «В поисках утраченного времени» словом «любовь» Пруст обозначает не столько вихрь, сколько застой страдания, причиняемого отношениями «оторванности» любимого существа. Поэтому через обращение к возвышенному, Пруст предлагает взглянуться в Другого, потрясающего и отторгающего проводника судьбы, чтобы обрести «Время» или, скорее, объяснение о не необходимости в отголосках прошлого своих внутренних параллелях и аналогиях [7].

Кризисолог исследует время по-другому, фиксируя на бумаге не столько апологику (греч. *apolo* — от и *deiknynai* — объяснять), сколько диалектику *места*, обращенного в будущее. Диалектическая нелинейность судьбоносных акцидентуаций в подтексте события создает условия для изменения модели поведения, что и служит предметом кризисной психологии. В предмете нашего исследования все начиналось со шкалирования, то есть моделирования реальных судьбоносных процессов субъекта посредством присвоения философско-эстетических значений отдельным атрибутам существования. Так, для выпускника-краснодипломника философского факультета единственного в ту пору белорусского университета судьбоносное распределение на должность инженера-социолога Минского моторного завода было убедительно аргументировано членом комиссии победно-биографическим фактом: «Да он же жестянщиком был!» Но им не остался, благодаря *Cherchez la femme*. Влюбившись раз и навсегда, прилежный книжник начинает вести себя экзальтированно, мотивация его поступков относительно ранее отрицаемой психологии становится неясна.

Возможно, причиной стала его попытка произвести впечатление или снискать расположение Другого философа, с музыкально-психологическим уклоном, преображающего игрой на фортепиано инженерный строй мысли субъекта в объективное чувство любви. Философ по диплому, музыкант по хобби и ученый-психолог по призванию, Валентина Ивановна остается, как по Прусту, «гениальной женщиной, ведущей обыкновенный образ жизни». Почему гениальной? Потому что генезис любви, подобно личностному онтогенезу, отвечает на вопрос не «Что это такое?», по недоумению Реймонта Кеттела, а «Кто такой?». Ибо «Жена слава мужа» [2, 1 Кор 11, 7], при которой «Любящий свою жену, себя самого любит» [2, Эф 5, 28]. Только при генезисе «Двое будут одной плотью» [2, Быт 2, 23] дети становятся славой матери, а Отечество — славой детей инженера-социолога «производственных сил и производственных отношений» (К. Маркс). Эту логическую обратную связь (лат. *re-ligio*) Валентина Ивановна не просто осознает и интуитивно отстаивает, но экспериментально преобразует в совместной деятельности, размеренно переходящей пергамент «Супружеское благополучие как фактор родительского отношения к детям». Так, в «крови горячечной социальное равновесие и в холодной прокатке интертекста проявлялась «Воспринятая руководителем социально-бытовой логической структура первичного инженерного коллектива».

Слово *ingénieur* указывает на благородство философов, осуществляющих совместную деятельность по идентификации семьи с культурно-психологическим пространством. Само же это пространство имело одну, как теперь говорят, опцию. Инициации «состоявшийся психолог» в школе Коломинского традиционно предшествовал этап «психологической предобразованности» в виде представления того, что есть «Человек: психология» [3]. Вторая стадия посвящения предусматривала наличие

экипировки, при которой «босое лицо» надежно окаймлялось растительной сенью от первого теоретика личности плюс первого в Советском Союзе эмпирика межличностных взаимоотношений. Так, стилизованный с психоаналитической иголкой бородатого сходства, но без сигары, соискатель идентификации своего научного руководителя как будущего деда кризисной психологии. Сам же кандидат обладал всеми характеристиками ее отца: моральное чувство генетической ответственности, личная креативность, отсутствие мотивации угодничества, руководство своими мыслями и потребностями, лидерская инициатива в решении нестандартных задач, делегирование полномочий жене как матери современной семейной психологии. Перечисленные качества генетически отображены на смуглом лице с чуть изможденным взглядом пронизывающих оппонента глаз, свидетельствующих либо о чрезмерности расширения ума, либо о жгучести обуреваемых страстей.

Наконец, третья стадия отжига личности ученого осуществлялась не в Минске, как у большинства будущих рядовых доцентов, а в Ленинграде. Среди знаменитостей этого города в обсуждении кандидатской диссертации Леонида Абрамовича принимали участие ученые, чья деятельность пристально отслеживалась проводниками «недремлющей» коммунистической пропаганды. Так, изысканная дворянская борода профессора Парыгина в стилевом обрамлении белой сорочки с бабочкой вызвала у стриженной под гребенку партийной номенклатуры неоднозначную реакцию. При свойственной для нее большевистской ревности первая в мире авторская монография по социальной психологии, изданная в 1965 году, затем переизданная в Японии и четыре раза в Германии, была подвержена на идеологическом совещании ЦК КПСС гневному — «Не читал, но осуждаю» — остракизму как вредная

буржуазная ересь, а сам Борис Дмитриевич был назван «лидером международного ревизионизма со смягченным психологическим подходом к подмене марксистской философии философией человека» [5]. Говоря современным языком, Парыгин был уличен в «марксизме с человеческим лицом». Тем временем минское микросоциальное лобби отмечалось усугубленным педагогической социальной психологией лицом классика в изложении доцента Ларисы Борисовны Касперской: «Чи, скажите-ка, ребята, аспиранты бородаты? Это наш психолог минский Яков Львович Коломинский», — дружно скандировал актовый зал факультета дошкольного воспитания в Серебрянке. Пляда бородатых дизайнеров детской психологии часто вызывала живой отклик у членов ученого совета, в частности, профессора Александра Ароновича Столяра: «Видимо, сегодня снова психологи защищаются, вишь бородатые!» Попутно на экспертном совете, экипированное достоинство аспиранта подвергалось, увы, нелицеприятной атаке со стороны первого бородатого в истории Беларуси профессора психологии Бориса Александровича Бенедиктова: «Бородой себе дорожку пробиваете, молодой человек! Вот пока не напишете во введении, что методологической основой вашей диссертации является марксистско-ленинская философия, работа не будет допущена к защите». Чуть ли Маркс и Ленин тоже были бородатыми...

Можно ли психологу пробить дорогу из сферы идеологического страдания в область человеческих и межличностных отношений? Пристальное рассмотрение данного вопроса предполагает только положительный ответ. Главное, по свидетельству Федора Достоевского, «Знать, отчего несчастен». Бывает же, скажем, звездная болезнь, при которой успешный «защитун» впоследствии возгордится, да и выпадает в осадок «сам себе психолог». Мирощущение «кризисного события» мне

довелось испытать на собственном опыте, когда в разговоре с мэтром почувствовал критическую дистанцию: «Я думал, ты наш, а ты оказался сам по себе...». Как в «Списке Робинзона», так и в жизни угадывалась интеллигентная «жесть» в деле ремонта и утилизации, то есть возвращения в оборот отходов небытия. Три характеристики — индивидуальность, совместная опасность и нежелательность» — положены в схему «кризисного события», которая распространяется и на кризис современного психологического образования [6]. «Поступок» как «событие бытия», по мысли преподавателя Витебского пединститута М. М. Бахтина, — это результат образования «межличностного отношения „и Другой» [1]. Беспрецедентным в карьере преподавательской практики оказался случай с докладной запиской студентки на имя декана. В ней были указаны претензии к личности доцента именно как к Другому субъекту бытия. Идти «на ковер» к декану, который только что принял меня на работу, было, как говорят студенты, «просто жель!» Однако разговор «на расстоянии» не имел жесточайших последствий. Зато моральный результат превзошел ожидания: в ответ на извинение студентка Дарья смущенно опустила взор: «Это Вы меня извините, Евгений Леонтьевич!». Кризис был преодолен. Психотехнология прощения тех, кто за общим временем не видит своего *места*, состоит, по Пергаменщичу, в переносе любви на источник «я» других людей, жаждущих понимания и принятия такими, какие они есть, то есть недостаточно любящими и не вполне любимыми, пренебрегающими и отверженными [6, с. 197]. Любить, значит быть самодостаточным настолько, чтобы не требовать и не ожидать любви к себе от других, встраивая свою любовь в культурное русло межличностных отношений.

Отсюда сила прикладного исследования, прагматичного в создании на-

дежных условий для «социально-психологической адаптации человека к кризисным событиям жизненного пути». Жизненный путь психолога — это мера личной свободы и текстуальной ответственности: свободы «жестянщика» и ответственности «пергаменщика», организующего психобиографический подход к изучению жизненного пути личности в качестве валидной альтернативы по отношению к экзистенциальной деструкции «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» (Вагрич Бахчанян). Психологическая культура — вот способ избежать «процесса», при котором Йозеф К. так и не решился открыть единственную дверь человека к себе самому. За этой дверью процесс субъективного мироощущения образует корпус знания, при котором профессиональные, религиозные и правовые интересы совпадают в вечно первой и всегда романтической любви.

Тогда психологическая культура квалифицируется как корпус знаний, образующих круг близкого общения в эксклюзивном ключе диспозиций. Леонид Абрамович уверен, что это путь к открытости и успеху. Первым признаком успешности в кругу близкого общения является улыбка, она удостоверяет открытость личности через отступление защитных механизмов в собственном поведении. Как обезоруживающая, так и обезоруженная улыбка, составляет «броню праведности» в успешно преодоленном кризиса для облечения в «любовь, которая есть совокупность совершенства» [2, Кол 3, 14]. Незащищенность личности проявляется, по Жаку Лакану, в том, что «когда я говорю о любви, становлюсь как имбецил». Imbecillus и переводится как слабый, немощный, то есть не опаленный защитными комплексами. У имбецилов обострены сострадание и порядочность. Причем, если идиоты просто сидят на койках, раскачиваясь и похлопывая себя руками, то дебилы и имбецилы, по своей органике не спо-

собные ко лжи, честно выполняют любую работу от слова «раб» (ст. слав. rob — червяк). Евангелие о «Блаженных нищих духом» — это про имбецилов и влюбленных. Однажды студентка заочница вместо ответа на экзаменационный билет смущенно молчала.

— У Вас очень красивая улыбка, — решил подбодрить ее я.

— Правда? — искренне удивилась собеседница.

— Разве Вам это никогда раньше не говорил?

— Нет, никто, никогда.

Сердечно жаль одинокую женщину в ситуации латентного кризиса неприятия с негативной компенсацией доступной формой образования. Роль преподавателя в компетенции формулы безусловной любви, выведенной Россом Купбеллом не только для родных, но и репонентов, волею экспериментатора оказавшихся близкими: «Доброжелательное и безоценочное отношение к испытываемому — это умение выслушать, оказать необходимую психологическую поддержку, провести анализ проблемы без критических суждений, неконтролируемых эмоций, неуместных вопросов, но довериться себе и пытаться приблизиться к прекрасной цели безусловной любви. Если же я люблю только тогда, когда испытываемый выполняет мои требования и соответствует моим ожиданиям, он будет чувствовать свою неполноценность» [6, с. 194]. Приведенная цитата, безусловно, имеет приложение как к семье, так и к процессу профессионального образования психолога, сохраняющего образ того, кто первый возлюбил каждого безусловно, безоговорочно, достоверно. При таком раскладе будущее событие обучающего и обучаемого будет основано на изначальном образе, а логическая формула безусловной любви может стать основой принятия себя и других, добрых и злых, интеллектуалов и имбецилов.

Психолог во время своей работы должен ориентироваться, по Пергамен-

щику, не на принятые нормы и декреты данного социума, а на жизненные принципы, которых придерживается испытуемый. Знаменитое пророчество Мишеля Фуко «Человек исчезнет, как лицо на прибрежном песке» стало объектом философии постмодерна не без раскольнического «Ты какой человек — тварь дрожащая или право имеющий?». В устах одного из героев романа Виктора Пелевина «Generation» интертекст получает ультимативный размах: «Мы, несомненно, твари дрожащие, но, несомненно, имеющие неотъемлемые права». Безличный экзистенциальный жест Ж. П. Сартра «Ад — это другой» Вуди Аллен в своем фильме «Иррациональный человек» наделяет небытием идеального убийства несправедного судьи «право имеющим» профессором философии. Может ли художественный текст стать реальностью? Вспомним, что нацистский преступник Адольф Эйхман вовсе не был чудовищем или психопатологической личностью. Внешне он казался культурным и законопослушным человеком, а его действия, обеснувшие гибелью четырех миллионов евреев, стали, по слову преступника, «следствием желания хорошо сделать свою работу». Тот факт, что эта работа заключалась в организации холокоста, имел второстепенное значение для «порядочного» католика и любящего отца четырех сыновей. Таким же любимым и заботливым родителем был и Лаврентий Берия. На гречне перестройки его семидесятилетний сын Серго написал наивные мемуары из иронической серии «Детская литература». Бессознательная аполитичность отца — привычное следствие для «психологической науки», использующей, по Мишелю Фуко, авторитет для самообладания и положения в обществе. Элиминирование авторитарности заборог науки способствует психологической культуре, при которой имбецил становится субъектом понимания, а интеллектуально немощный Эраст, то есть «Любящий», — свободной личностью в

подвиге открытия Имени божественно либерального и антропоморфно демократического Отца.

Культурно-психологическое сопровождение кризисного события предполагает облечение научных понятий, художественного образа и религиозной интенции в личностный поступок. Когда религиозная или правовая интенция не совпадает с потребностью личностного роста, тогда становится неминуемой горечь поражения: «Бже, что это мне?». С другой стороны, не заслуженная похвала (фенсмен «Горькой конфеты» А. Н. Леонтьев) как и оскорбление, имеет последствие именно для личности, потому что при оценке поступка затрагивается вся аффилиация: отец, мать, жена, дети, друзья, страна. Самый простой способ кризисного сопровождения — не сопереживать, регистрируя факты» [6]. Эта возможность безоценочного исследования «страдания» предложена в анализе посттравматической ситуации, где автором представлен опыт переживания и преодоления кризисных событий жизненного пути. Перед ученым-исследователем встает проблема проникновения в область человеческих страданий, насколько это возможно. Нельзя не согласиться с методом Пергаменщика, по которому изучение душевных страданий может быть организовано в соответствии с «наблюдателем, который себя к данному виду вроде бы не относит, а потому может рассматривать происходящее с чисто научным интересом» [6]. Для изучения человеческих страданий наблюдатель каким-то образом встраивается в человеческое поведение, «видит», чувствует и раскрывает механизмы страдания и преодоления, победы или поражения. Известен факт, что многие воспитатели-педагоги в мировой истории — монахи либо остававшиеся неженатыми подвижники, в том числе, апостол Павел, Януш Корчак, Антон Семенович Макаренко. Однако в личности каждого из них прослеживается механизм «актив-

ного эмоционально-волевого отношения к внутренней неопределенности человека». Признаки толерантности к неопределенности — индивидуальность, ситуативность и интенциональность — включены в характер отношения человека к фрагменту действительности: «Вопрос не в том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а в том, что мы есть» [6]. В кризисной психологии Пергаменщика главное время «будущее, становящееся настоящим», в отличие от психодинамической психологии, которая, как и Пруст, ищет в прошлом ответы для решения проблем сегодняшнего дня. Постмодернистская интрига кризиса кроется в причине страха, который настигает человека при встрече с реальным или воображаемым небытием. Ответ на эту причину можно найти только в принятии будущего, каким бы суровым оно нам ни представлялось. Мужественный выбор будущего требует трансцендентно моральной любви. Ибо имманентно женственная любовь важна для естественной психологии материнства.

В современной науке на последнем плане выдвигается новый тип объекта — открытые антропологические системы не столько психического объяснения, сколько человеческого понимания. Другого на «культурно-эволюционном уровне» [4]. Там, где субъект (развивается) в кризисе естественных связей, психологическая индетерминантность прибегает, с подачи Умберто Эко, к искусственно внешнему, эстетическому приему кавычек. Движение сдвигается с обеих сторон, закавычивая и раскавычивая, уместно при смене естественного значения слова на кавычки ироничного восприятия парадигматического контекста. Отсюда «жесты» — уже не металлургическое, не коньячное, но «закавыченное», а значимое, бессознательное состояние кризиса. Здесь по ступеням нарастающей рефлексии движется постмодернистская рациональность, которая выступает в качестве эклектики языков и же-

стов, раскрывающих психологическую близость реально противоположных слов «жесты» и «пергамент». В некоем контексте появляются разные приемы эклектики и модели интеграции универсально-образовательного знания, среди них — триангуляция [8]. Если прибегнуть к данному понятию в качестве метафорического конструкта, встреча двух методологических подходов, например, позитивизма и метафизики, уже не вызывает взаимного недоверия. В диалоге противоположности прибегают «третий путь» герменевтики, но без снобизма: «Нет коварства, — жжет мою статью Пергаменщик, — маскировки бесполовости словесной "дискурса". Так, история проводит за книгу не маскирует пергаментной выделкой ослиную кожу. Только шкура агнца достигает высшей значительности выделка «клав» или velum в мастерстве п(П)ергаменщика.

Знаменитое полотно Марка Шагала «Иди деревня», написанное в 1911 году, было названо им так ввиду ностальгии по наивному детству в безмятежном Зитебске с предчувствием эсхатологических времен. Каббалистика картины наделена футуристическим смыслом. Здесь голова ягненка исполнена небесным бело-синим колером на фоне уже не безоблачной сцены доения коровы. Взглянув далее, в будущее, видим, что некоторые из разноцветных домов перевернуты, под колокольной виднеется неестественно огромная голова монстра, а мужчина с косой пытается о чем-то договориться с женщиной, идущей вниз головой. В этом сюжете замечаем вечную «оторванность» взаимопонимания супругов, разрешимую только через преодоление кризиса религиозного недоверия в победе над Голиафом и утверждение светлого чувства любви в диалоге. Крупным планом изображен сам автор в народно-комиссарской фуражке, но с нательным крестиком и весенне-зеленым лицом на красном фоне грядущей революции. Он держит как бы масличную ветвь мира и, робко

улыбаясь, смотрит сквозь агнца отраженным от него бело-синим, как талит, взглядом. Таким образом, за несколько лет до Октябрьского переворота и десятки лет до возрождения Израиля Шагал создал картину, взрывающую обыденное сознание деревни многогранностью представления города Яд ва-Шем: «И дам Я им в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истратится» [2, Ис 56, 5].

Где-то «там закалялась сталь», где социально-психологическая реабилитация пострадавших от катастроф оказалась синхронной в деле оптимизации супружеской «психопроводности». В условиях ценностно-триангуляционного единства семьи, школы и персоны, последняя на «Многая лета» торжествует в лице пергаментных дел Деда, уверенно скользящего со своими внуками на стальных коньках в парке Горького. Главное, не сторониться ничего, кроме равнодушия, лени и гордости. На потребительском фоне жестяных индмарков «до неприличия необавтомобильная» фигура Пергаменщика выглядит вполне аскетично. Все три поколения его семьи и научной школы объединены тройственным со-бытием веры, надежды и любви. Четвертое основание, собственно, бытие — это Валентина Ивановна, то есть «Сила Благодати» (от лат. valeo и ивр. חַיִּים). Если кто обладает силой вдохновить психолога на преодоление кризиса естественных связей, так это же кто — психолог — Ева — жизнь.

Можно предположить, что профильная школа юбилейного Имени опирается в фамильную предрасположенность. Предмет генетической соматологии очевиден в возрастании амплитуды научных страстей и статей, возникающих из вечной борьбы за существование. Леонид Абрамович, по борцовским качествам — жестящик, по книжным — «пергаменщик»,

с равным удовольствием упаковывает индивидуальную продуктивность в печатные листы монографии и опавшие листья во дворе одного из своих сыновей, героя Израиля.

Не теряя надежды на Абрама через «потомка которого благополучатся все семьи земли» [2, Быт 22, 18], копаю свою фамилию с угорством, то ли пенсионера-огородника, то ли садовника-дилетанта, и прорабатываю гипотезу о фамильном «Новавике корабля», доставляющемся тогда, кто «в белых штанах», на пляж Конакабана, а того, кто в белых стальных плавках, — в «Маленький» горизонт деревенского года. От огородника до «садовника» [2, Мк 16, 9] всего лишь шаг, точнее, «перешагивание ума» (греч. μετανοια). От жестянщика до психолога — расстояние городов: от Четы, где он родился, до Рио-де-Жанейро, где в преддверии юбилея осуществил заслуженное признание в деле русской кризисной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин — М. : Советская Россия, 1979. — 320 с.
2. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Библия. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1983. — 2235 с.
3. Коломинский, Я. Л. Человек: психология : кн. для учащихся ст. классов / Я. Л. Коломинский. — М. : Просвещение, 1980. — 234 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство, 2010. — 704 с.
5. Парыгин, Б. Д. История отечественной социальной психологии / Б. Д. Парыгин // Методология и история психологии, 2006. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 5—20.
6. Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология : курс лекций / Л. А. Пергаменщик. — Минск : БГУ, 2003. — 224 с.
7. Пруст, М. В поисках утраченного времени / М. Пруст. — М. : Альфа-книга, 2009. — 2488 с.
8. Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию / В. А. Янчук. — Минск : АСАР, 2005. — 768 с.